

В повседневной жизни кварталы чаще воспринимаются как фрагменты города, выделенные по признаку своеобразного уклада жизни (горожанства). Каждому из множества разновидностей горожанства соответствует свое понимание счастья. Отсюда следует, что только урбанистические решения в масштабах квартала способны сделать жителей счастливей. Масштабы города, региона, страны и так далее слишком велики, а спектр горожанства (и, соответственно, образов счастья) в них слишком широк для поисков единых способов оптимизации городской среды.

Ключевые слова: урбанистика, квартал, архитектура, социальная психология, счастье. /

In everyday life quarters are often perceived as urban fragments divided according to peculiarities of the lifestyle (urbanship). Every variation of urbanship has a corresponding conception of happiness. Thus, only urbanistic decisions on a quarter scale can make citizens happier. City, regional and country scales are too big, and the variety of forms of urbanship (and corresponding visions of happiness) is too wide there to search for uniform ways of optimization of the city environment.

Keywords: urban studies; quarter; architecture; social psychology; happiness.

Since Plato, all projects of ideal cities have been aimed at making the inhabitants as happy as possible. However, there is no clear and constructive definition of happiness.

Only one element is steadily repeated in a number of definitions of happiness. This invariant means an absolute attractiveness of happiness. Whatever is meant by this multivalent word, it is obvious that happiness is attractive and desired.

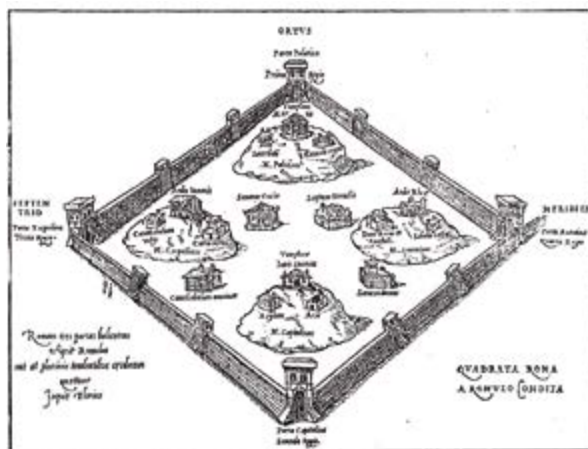
Attractiveness exists on different layers.

The first (biological) layer is caused by instincts (drivers) possessed by any living creature. Any living creature aspires to take as much and as best as possible from the environment: food, sex, hunting lands, sunshine... In general, they want to increase the intensity and laminarity of information exchange with the environment. Thorstein Veblen considered this aspiration as an instinct of Curiosity and an instinct of Workmanship. Emotionally, the strongest and the well-ordered flow of information corresponds to the

Кварталы. Пять слоев счастья

Способно ли горожанство сделать людей счастливее?

> Так, по мнению Фаблю Кальво, выглядел «Квадратный Рим» времен Ромула (Antiquae Urbis Romae cum regionibus simulacrum, Fabio Calvo, Rome, 1527)

Введение. Квадратный город и его кварталы

21 апреля 753 года до н. э. первый римский царь, братоубийца Ромул, основал на Палатинском холме поселение. По этрусской традиции оно имело форму прямоугольника и называлось Roma Quadrata. Две центральные оси поселения – кардо и декуманус – были ориентированы в меридиональном и широтном направлениях, чтобы согласовать структуру города с гармонией квадратной Вселенной.

Расширяясь, город занимал окрестные холмы, но сохранял свою квадратичную структуру. Три рода (трибы) старейшей аристократии Рима компактно селились каждый на своем холме, а четвертую часть города Ромул отвел для поселения сабинянам, чьих женщин римляне похитили в ходе решения своих демографических проблем [5, 12].

Спустя несколько веков деление города на четверти все еще сохранялось. На Палатине селились самые родовитые, богатые и властные. Субура, напротив, кишела беднотой и подонками. На Эсквилине жили ремесленники и торговцы. Квиринал по традиции населяли сабиняне, а позже и все остальные иностранцы [1].

Идея квадратного города изначально противостояла идее города круглого, концентрического, с делением на треугольные сегменты. Круглые города строили восточные деспоты – такими были Экбатаны, столица персидских царей Великой Мидии или Самаль хеттов. Согласно пифаго-

рейскому учению, живой, динамичный характер числа три и треугольника должны были уравновешивать замкнутый и неподвижный образ концентрического круглого города. Стабильный, надежный характер четверки и прямоугольника позволяли городу быть проницаемым, пронизанным сквозными улицами и проезжими дорогами [2].

Противостояние квадратности и треугольности в структуре городов продолжается и сегодня. Но все-таки в большинстве языков чаще встречается названия градостроительных единиц, основанные на четвертичном делении. В русском языке это слово «квартал».

Современное словарное значение слова «квартал» вроде бы определяется как часть города, ограниченная соседними улицами. Но это определение тут же входит в противоречие с практикой употребления таких понятий, как «китайские» (и другие национальные) кварталы, богатые или бедные кварталы, «кварталы красных фонарей» и так далее. Очевидно, во многих случаях кварталом называется часть города, выделенная по образу жизни его обитателей. Скажем, в китайском квартале могут жить не только выходцы из Поднебесной, но уклад жизни в нем действительно напоминает захолустный городок в Китае: границы квартала возникают не по национальному признаку, а именно по признаку того, что называется «горожанство» [6].

Кварталы утопий

Такое понимание квартального деления городов имеет прямое отношение к теме, которая снова приобрела актуальное звучание в сегодняшней урбанистике. Я имею в виду тему «города, который делает людей счастливее». Она вновь активно обсуждается, в основном в связи с выходом книги Яна Гейла «Города для людей» [3]. Книга была мгновенно переведена на русский и стала бестселлером, хотя сама по себе идея вовсе не нова. Например, в 1973 году Михаил Посохин выпустил книгу «Город для человека», вроде о том же самом [11]. Его шестидесятилетние идеи опирались на наследие конструктивистов, которые очень решительно планировали осчастливить все передовое человечество. Да и был ли в истории такой градостроительный проект, в любой степени утопический, чтобы в нем не заявлялась забота о счастье людей? Начиная с Платона, все проекты идеальных городов предназначены только для одного – сделать горожан макси-

^ Амброджи Лоренцетти. Результаты доброго управления городом (XIV век). Счастливы квартал глазами художника Раннего Возрождения. Четкий ритм, человеческий масштаб, активная жизнь в общественных пространствах. Почти полное соответствие критериям Яна Гейла

Quarters. Five Layers of Happiness

Can urbanship make people happier?

мально счастливыми. Проблема, однако, заключается в отсутствии сколько-нибудь внятного и конструктивного определения счастья.

Персонаж повести «Понедельник начинается в субботу» Магнус Редькин проделал огромную работу, собрав множество определений счастья – от парадоксальных (счастье есть отсутствие несчастья) до бытовых (высший успех, довольство, удача), но так и не понял, в чем же заключается подлинное счастье исследователя. Оно, конечно же, – в поиске нового, в открытии новых и новейших горизонтов, в бесконечном процессе познания. Через десятилетие, поменяв оптимизм на мудрость, Стругацкие написали повесть «Далекая Радуга» о том, как неудержимые искатели открытий выселены с Земли на отдельную планету. Там они и проводят свои эксперименты, чреватые планетарной катастрофой.

Авторы утопий эпохи Просвещения не занимались сборником определений счастья. Они точно знали, в чем это самое счастье заключается – в порядке, неукоснительном соблюдении закона, в священной иерархии. Город Солнца Кампанеллы обнесен круглой стеной, концентрически повторенной семь раз, но в нем есть и четверо ворот. Так объединены в структуре города троичный и четвертичный принципы, ибо город есть универсум. На стенах центрального храма изображены все сущее на свете – боги и насекомые, минералы, ветры, звезды, птицы и рыбы, включая удивительную рыбу в форме мужского члена. Эта энциклопедия в картинках демонстрирует: внутри города содержится все, что есть в мире ценного и хорошего. Все, что за городскими стенами, – то плохо, хаотично и проклято, и вообще не считается. Солярии живут по строжайшему, до мелочей расписанному регламенту, и счастливы от этого. Те же, кто не понимает такого счастья, как бы и не живут вовсе. Они только бессмысленно мучаются, как неправедные души, не допущенные в Новый Иерусалим после Страшного суда.

Прошло несколько веков, и утопический образ жизни стал основой для мрачных антиутопий Замятина, Оруэлла, Хаксли и многих, многих других.

Ехидный Станислав Лем в одном из путешествий Ийона Тихого описал планету Энциа – одновременно утопию и антиутопию. В цивилизации энцианов наука о счастье (фелицитология) достигла небывалых высот. В результате возникла целиком искусственная среда, в которой

все вещи, здания, машины содержат в себе множество микроскопических роботов, а в мозг каждого робота заложены нерушимые правила гуманистической этики. В такой «этикосфере» ни один человек не может причинить вреда другому человеку: скажем, при попытке дать собеседнику по физиономии рукава одежды затвердевают и не дают агрессору двигаться. Кажется бы, чем не счастье – мир без насилия? Но нет, автор (да и читатель) от такого мира явно не в восторге.

Складывается впечатление, что какой бы вариант счастья ни придумали утописты, при внимательном рассмотрении он обязательно превращается в свою противоположность. Любая утопия в процессе реализации становится антиутопией. Подобная судьба постигла множество городов, построенных для людей: Ахетатон и Чандигарх, города-сады и Лучезарный город Корбюзье, Великие американские города и так далее [4,9, 10].

Так что же получается: построить город, который делает людей счастливее, невозможно? Неужели любые попытки построить рай в лучшем случае приводят в чистилище?

Счастье и его разновидности

Из множества определений счастья можно выделить только один повторяющийся элемент. Инвариант этот заключается в безусловной привлекательности (аттрактивности) счастья. Что бы ни понималось под этим многозначным словом, очевидно одно: счастье привлекательно и желанно.

Аттрактивность, однако, существует и проявляется на нескольких уровнях (слоях).

Первый слой (биологический) обусловлен инстинктами (драйвами), которые присущи всему живому. Любой живущий организм стремится получить из окружающей среды всего побольше и повыше качеством – еды, секса, охотничьих угодий, солнечного света... В общем случае можно сказать, что все живое стремится увеличить интенсивность и ламинарность информационного обмена с окружающей средой. Торстейн Веблен обозначал это стремление как инстинкт Любопытства и инстинкт Мастерства. В эмоциональном отношении самый мощный и упорядоченный поток информации соответствует переживанию эмоций группы «радость – гордость» (уважение, радость, гордость, восторг, экстаз). В английском

group of emotions “happiness-pride” (respect, happiness, pride, enthusiasm, ecstasy).

The macrosocial layer of happiness is based on the ideology of big social communities, for example, in states. Thus, the “American dream” ideology complies with the biological sense of happiness. A true American is always happy and proud of being an American. Phallic silhouettes of skyscrapers in Manhattan – the symbol of American lifestyle – refer to happiness of the primary or biological type. Happiness means much and regularly.

In modern Russia, unfortunately, we can observe tendencies to search for happiness within the group of “angry” emotions (distrust, suspicion, anxiety, aggression). The image of Russia surrounded by predatory enemies and traitors is very popular. It is also common to look for enemies and traitors inside the country, from oligarchs and ministers to representatives of creative intelligentsia. The architectural and historical heritage suffers great

losses because of the ideology of all-destroying “angry happiness”.

The third layer of happiness is formed on the microsocial level in small communities containing from several people to three or four thousands. A family, a club, a professional or creative union can be examples of microsocial units. Every community develops its own vision of happiness and the lifestyle based on this vision. Obviously, population of the quarter is also in this category (if we define the quarter as a community with specific urbanship).

The fourth layer of happiness is individual. Everybody has their own vision of happiness, which is as unique as a human person is.

The fifth layer of happiness is formed on the subpersonal level. Different fragments of the human person are often so independent that it seems that one body contains several different people. Some fragments of one’s mind may have their own vision of happiness. Inconsistency of human

> Карл-Фридрих Шиле. Готический замок над водой (XIX век). Романтическая эстетика утверждала высокую ценность состояний печали, тоски, задумчивости... Счастливый квартал для романтиков насыщен руинами и памятниками прошлого

языке «счастье» и «радость» обозначается одним словом, что не лишено смысла, хотя иногда способно сильно сбить с толку. Ведь если отождествить счастье и радость, то на этом, чисто биологическом уровне трудно отличить человека от инфузории.

Второй, макросоциальный слой понятия счастья обусловлен идеологией, господствующей в больших социальных сообществах, например в государствах. Так, идеология «американской мечты» совпадает с биологическим смыслом счастья. Настоящий американец всегда испытывает радость и гордость от того, что он – американец. Фаллические силуэты небоскребов Манхэттена, символ американского образа жизни, прямо отсылают к радостям первичного, биологического характера. Счастье – это когда всего много и регулярно.

Большинство европейских государств исповедуют идеологию равнодушия (которую часто принимают за отсутствие идеологии как таковой). Заковыристое слово «деидеологизация» означает, что житель Германии или Болгарии вообще не испытывает никаких заметных переживаний по поводу своего гражданства или места проживания. Значение имеет только личный комфорт и личные интересы, а страну можно и поменять. Всеядное архитектурное разнообразие европейских городов вполне соответствует идеологии «равнодушного счастья».

В современной России, к сожалению, весьма заметны тенденции к поискам счастья в области эмоций группы

«гнев» (недоверие, подозрительность, тревожность, агрессия). Активно используется образ России, окруженной хищными врагами и предателями. Никак не выйдет из моды поиск врагов и предателей внутри – от олигархов и министров до представителей творческой интеллигенции. Огромные потери, которые несет архитектурно-историческое наследие российских городов, напрямую связаны с идеологией разрушительного «гневно-счастливого».

Третий слой счастья образуется на **микросоциальном уровне** в небольших сообществах размером от нескольких человек до трех – пяти тысяч. Семья, клуб, профессиональный или творческий союз – примеры микросоциальных единиц. В каждом таком сообществе вырабатывается свой образ счастья и основанный на нем образ жизни. Очевидно, население квартала также попадает в эту категорию (если, конечно, использовать приведенное выше определение квартала как сообщества со своеобразным горожанством). В нашем журнале уже публиковались материалы, рассматривающие связь между идеологией квартала и его градостроительными характеристиками [7]. Помимо ярко выраженных, предельных образцов квартальной идеологии, существует богатый спектр вариантов «квартального счастья»: так, между барселонским Эшампле и бразильскими фовелами располагается непрерывный ряд способов баланса между порядком и хаосом.

Четвертый слой счастья индивидуален. Личный образ счастья у каждого свой, и он так же неповторим, как уникальна каждая человеческая личность.

Каждый наверняка встречал людей долга, чести и совести, для которых счастье заключается в том, чтобы все было правильно и законно. Не редкость и люди гордые, радостные – они обычно обладают особой харизмой (в полном соответствии с биологической притягательностью области «радость – гордость»). В детстве большинство людей проживает стадию, когда счастье находится в области «интерес». Нередко приходится сталкиваться и с людьми, чье счастье расположено в гневе, – это люди конфликтные, дерзкие и раздражительные. Даже такие непопулярные эмоции, как страх, отвращение и печаль, могут для кого-то быть «областью счастья». Авантюрист, игрок наслаждается опасностью (как с исчерпывающей

behavior and ambivalence of human desires prove that the deepest and the most sophisticated attractiveness level is associated with subpersonalities. This 'partial happiness' often becomes an illusive substitution for the true happiness, which is inherent in the personality as a whole.

The quarter and its ideology occupy the central place among the five layers of happiness. Of course, no architectural decisions can release people from complexes and intrapersonal contradictions. Of course, the state policy will keep on influencing the common trends in town planning. Nevertheless, everyday life with its daily routine and holidays goes on at the interface of people and their environment (a home, a courtyard and a quarter).

Probably, the theory and practice of quarter design focused on certain communities of citizens will make them happier. If we come down from a vague "man in general" to real people with their particular visions of happiness, the town-planning decisions and their realization will become more humane.

глубиной показал Достоевский). Подлец (вроде шекспировского Яго или Ричарда Третьего) готов совершать мерзости даже без выгоды для себя, из одной «любви к искусству». Тоска и отчаяние, как доказал Кьеркегор, могут служить источником творческого вдохновения.

К сожалению, человек, осознающий, где именно в пространстве эмоций расположено его личное счастье, встречается крайне редко. Подавляющее большинство людей воспринимают свое счастье полностью бессознательно.

Пятый слой счастья образуется на **субличном уровне**. Отдельные фрагменты человеческой личности часто «ведут» себя настолько самостоятельно, как будто в одном теле находится несколько совсем разных людей. У некоторых фрагментов индивидуальной психики могут быть свои представления о счастье. Непоследовательность и противоречивость поведения человека, амбивалентность его желаний показывает: самый глубокий и подробный уровень формирования аттрактивности связан с субличными. Такое «парциальное счастье» зачастую служит иллюзорной заменой счастья подлинного, присущего личности как целому.

Огромное количество конфликтов вызвано различиями в образах счастья. Субличные противоречия раздрают человека на части и обрекают на гамлетовские страдания. Родители искренне хотят счастья своим детям, не осознавая, что у детей могут оказаться совсем иные представления о счастье. Люди не могут сработаться в одном коллективе, если их образы счастья несогласованы. Мигранты преодолевают государственные границы, рискуя жизнью. Труднее всего в такой ситуации понять, что, собственно, происходит. Ведь каждому кажется, что именно его понятие счастья – самое «естественное», «само собой разумеющееся». Всякий, кто с этим не согласен, – или болен, или заблуждается. Восприятие своего уникального счастья в качестве общечеловеческой нормы служит неиссякаемым источником столкновений между людьми и сообществами. Отсюда постоянное искушение выбрать один из вариантов счастья и объявить его единственным, подлинным, настоящим. И, разумеется, навязать его всем людям без исключения – где убеждением, а где и силой. Именно таким путем утопия превращается в антиутопию. Особенно если образ счастья поддержан государственным аппаратом.

References:

- Carandini, A. (2011). The Blessing of the Palatine and the Founding of Roma Quadrata. In: Idem, Rome: Day One. Princeton, Princeton University Press, P. 50-62.
- Dionysius of Halicarnassus. (2013). The Roman Antiquities (Loeb Classical Library edition, 1937), Book 1, 11. Penelope, University of Chicago. Retrieved January 12.
- Gehl, J. (2010). Cities for people. Washington – Covelo – London: Island Press.
- Jacobs, J. (1993). The Death and Life of Great American Cities (Modern Library (hardcover) ed.). New York: Random House. [1961]
- Lidin, K.L. (2013). Coherent cities. Project Baikal, 10(35), 36-41. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.35.13>
- Lidin, K.L. (2015) Urbanship. In search for a comprehensive definition of urban environment. Project Baikal, 12(45), 84-90.
- Livy. (1998). The Rise of Rome, Books 1–5, trans. TJ Luce, Oxford: Oxford University Press.
- Majak, I.L. (1983). Rim pervih cezarej [Rome of the first Caesars]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Meerovich, M.G. (2007). Rozhdenie i smert goroda-sada: dejstvujuschie sili i motivi ubijstva [Birth and death of the garden city: actors and reasons of the murder]. Vestnik Evrasii, 1. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-goroda-sada-dejstvuyuschie-litsa-i-motivy-ubijstva> (17.11.2015).
- Meerovich, M.G. (2009). Ideja goroda-sada E. Govarda i sovetskie rabochie poselki-sadi [The idea of a garden city by E. Govard and Soviet industrial garden villages]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitecturno-stroitel'nogo universiteta, 4(25), 46 – 50.
- Posohin, M. (1973). Gorod dlja cheloveka [A City for man]. Moscow: Moskva-Progress.
- Rykwert, J. (1988). The Idea of a Town: The Anthropology of Urban Form in Rome, Italy and the Ancient World. Cambridge MA, MIT Press.

Кварталы для счастья

Квартал и квартальная идеология занимает важнейшее, срединное положение среди пяти слоев счастья. Конечно, никакие архитектурные решения не избавят людей от комплексов и внутриличностных противоречий. Конечно, государственная политика будет и дальше влиять на общие тенденции урбанистики. Но все-таки ежедневная жизнь с ее буднями и праздниками протекает в основном на границе между человеком и его непосредственным окружением – домом, двором, кварталом.

Представим себе, что в один из дней люди вдруг осознали, что они разные и счастье у них тоже разное. Как тогда может выглядеть город для людей?

Город делится на кварталы, в каждом из которых последовательно реализован тот или иной вариант счастья. Есть кварталы «по Яну Гейлу», организованные в человеческом масштабе, предназначенные для неспешного фланирования и наслаждения видами, ритмами, звуками города. Есть кварталы «по Михаилу Посохину», функционирующие по принципу эффективного механизма и населенные рациональными эгоистами. Кварталы «по Кампанелле» отгорожены заборами и шлагбаумами, а внутри них царит идеальный иерархический порядок. В тихих музейных кварталах время, кажется, остановилось и больше ничего не происходит, а в буйных молодежных кварталах жизнь кипит и пенится событиями. В каждом квартале живут люди, которые счастливы именно таким образом, который предлагает структура и оформление квартала. Уклад жизни каждого квартала осознан и

в Кадр из фильма «Шпион» (2012 год) – своеобразная попытка визуализации предвоенных советских утопий Москвы будущего. Механический, нечеловеческий масштаб и упорядоченность. Жители такого квартала находят свое счастье в приобщенности к огромным проектам великой страны.

> Американская художница Кармела Каруччи (Carmela Caruccio) видит любимый Нью-Йорк аналогичным образом. Машинный идеал счастливого квартала продолжает жить.

> Фавелы Рио-де-Жанейро – символ хаоса – тоже могут быть кварталами счастья. Современный бразильский художник JVicttor видит их такими: яркими, динамичными, полными горячих переживаний.

закреплен в квартальном Уставе, и этот местный свод законов соблюдается квартальным самоуправлением. И главное, ни один из кварталов не дает своим жителям никаких привилегий. Баланс прав и обязанностей в каждом квартале одинаковый, так что выбор места, где жить, каждый горожанин делает исключительно по критериям своего счастья.

Заключение

Подобная картинка выглядит несколько утопично. Однако примерно таким образом проектировался Иркутский променад (130-й квартал). В основе проекта лежит гедонистический образ счастья (в области «интерес, любознательность, радость открытия нового»), схожий с тем, который предлагает Ян Гейл. В проекте предполагалось, что значительная часть квартала будет отведена под жилье, но еще на стадии концепции инвесторы отказались экспериментировать с этой функцией. Предлагалось хотя бы служебное жилье, во вторых этажах деревянных домов – для сторожей, поваров, пекарей, которым надо спозаранку замешивать тесто, и так далее. Проектировались и отели: например вдоль улицы Кожова спускалась по рельефу довольно вместительная гостиница с подземно-цокольной урбанистикой инфраструктуры (падающая по рельефу платформа) и надземными двухэтажными жилыми единицами в традиционном подлинном материале, в дереве и камне.

Несколько гостиниц в квартале, впрочем, уже появились. Возможно, постепенно Иркутский променад обзаведется постоянными жителями, и этот градостроительный эксперимент получит новое измерение.

Разведя аристократические трибы по четвертям города, Ромул предоставил каждой из них жить по

собственному укладу, и оказался глубоко прав [8]. Возможно, теория и практика квартального проектирования, ориентированного на конкретные сообщества горожан, поможет им стать счастливее. Если перейти от абстрактного «человека вообще» к настоящим людям с их конкретными представлениями о счастье, – наверное, и градостроительные решения, и их реализация будут получаться более человеческими.

Список литературы

1. Carandini A. The Blessing of the Palatine and the Founding of Roma Quadrata // Idem, Rome: Day One. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – P. 50–62.
2. Rykwert J. The Idea of a Town: The Anthropology of Urban Form in Rome, Italy and the Ancient World. – Cambridge : MIT Press, 1988. – 242 p.
3. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. А. Токтонов. – М. : Крост, 2012. – 276 с.
4. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов (The Death and Life of Great American Cities) / пер. Л. Мотылев. – М. : Новое издательство, 2011. – 460 с.
5. Дионисий Галикарнасский. Римские древности / пер. Н. Г. Майоровой, И. Л. Маяк, Л. Л. Кофанова и др. ; отв. ред. И. Л. Маяк. – (Сер. Историческая библиотека. Античная история). – М. : Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. – Т. 1, кн. 1–4. – 272 с.
6. Лидин К. Л. Горожанство. В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–90.
7. Лидин К. Л. Когерентные города // Проект Байкал –2013. – № 35. – С. 37–42.
8. Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 260 с.
9. Меерович М. Г. Идея города-сада Э. Говарда и советские рабочие поселки-сады // Вест. Томск. гос. архитектурно-строит. ун-та. – 2009. – № 4 (25). – С. 46–50.
10. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вест. Евразии. – 2007. – №1. – <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-goroda-sada-deystvuyushchie-litsa-i-motivy-ubiystva> (дата обращения 17.11.2015).
11. Посохин М. Город для человека. – М. : Москва-Прогресс, 1973. – 132 с.
12. Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. / пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова ; отв. ред. Е. С. Голубцова. – М. : Наука. 1989. – Т. 1, кн. 1–10. – 576 с. – (Сер. Памятники исторической мысли).